

является ли *-н'* суффиксом образования прилагательных (*ц'окан'* 'олений', *вашн'* 'жеребчий', *карувн'* 'мышинный') или же он — только показатель родительного падежа. Рецензенту кажется, что, например, в эрз. *рузонь* 'русский', *эрзянь* 'эрзянский' и т. д. *-нь* является и суффиксом образования прилагательных.

На стр. 156 сказано, что форма причастия настоящего времени с дополнительным суффиксом *-ка* (*морайка* 'поющий') появилась, очевидно, по аналогии с эрзянскими причастиями на *-ц'а* (*молиц'а* 'идуший'). Рецензенту не ясно это положение автора, так как *-ка* и *-ца* — два разных суффикса.

На стр. 158 говорится о двух видах деепричастия, которые обозначают дополнительное действие, сопровождающее основное. Рецензенту не понятно, чем эти деепричастия отличаются друг от друга в системе их употребления.

Без списка сокращений и библиографии труд Т. И. Ломакиной занимает 179

страниц. Он прекрасно оформлен. Приложениями к труду служат таблицы склонения и спряжения (23 стр.), а также очень ценные диалектные тексты (стр. 24—126) и список диалектных слов (стр. 127—140). Приложения существенно дополняют работу.

Т. И. Ломакина представила на соискание ученой степени кандидата филологических наук очень содержательный труд. Его недостатки незначительны. Этот труд дает много нового для изучения структуры финно-угорских языков и важен с точки зрения общего языкознания. Т. И. Ломакина прекрасно проанализировала своеобразие мокшанского языка на основе правильной методики. Оппоненты П. Аристэ и А. Феокистов констатировали, что «Городищенский диалект мокша-мордовского языка» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.1.11>

Г. И. Батков, Мордовская полисемия (на материале глагола). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1975.

24 января 1975 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, подготовленной в период обучения в аспирантуре под руководством академика АН ЭССР П. Аристэ ассистентом кафедры русского языка Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева Г. И. Батковым. Официальными оппонентами выступили член-корреспондент АН ЭССР А. Каск (Тарту) и кандидат филологических наук И. Бузаков (Саранск).

Изучение мордовской полисемии в настоящее время важно не только в теоретическом, но и в практическом плане, так как в связи с интенсивным сбором лексики для толковых и орфографических словарей мордовских языков накоплен богатый материал, который необходимо

серьезно исследовать в семантическом отношении.

В мордовской лексикологии наименее разработана проблема семантики слова. В этом отношении рецензируемая диссертация, в которой сделана первая попытка описать многозначность мордовского слова и выявить пути образования полисемии, представляет особый интерес для лексикологии и лексикографии.

Диссертация состоит из краткого введения, трех глав, заключения и приложения.

В первой главе обстоятельно прослежена история решения проблемы многозначности в русском, финно-угорском и мордовском языкознании.

Первые шаги по освещению полисемии в мордовских языках были сделаны дореволюционными русскими и иностранными учеными (А. Алквист, Ф. Видеман, И. Буденц и др.). Так, Ф. Видеман зафиксировал одиннадцать значений мор-

довского глагола *панемс*, восемь значений глагола *явомс*.

Проанализировав работы дореволюционных лингвистов, уделивших внимание и вопросам мордовского языкознания, диссертант сделал обоснованный вывод, что в ранний период мордовского языкознания исследователи смешивали понятия многозначности и омонимии.

Первую попытку разграничения этих категорий сделал М. Е. Евсевьев в работе «Эрзянь-рузонь валкс» (Москва 1931). Полностью решить проблему он не смог, так как словарь не был завершен (доведен только до к).

Тщательно проанализировал диссертант работы лингвистов, касавшихся в той или иной мере вопроса многозначности слова. Так, Д. В. Бубрих и М. Н. Коляденков рассматривали изменение значения слова с точки зрения словообразования.

Должное внимание уделил диссертант характеристике работ мордовских лексикологов и лексикографов Н. Ф. Цыганова, Д. В. Цыганкина и других, где авторы в какой-то степени касались вопроса многозначности мордовского слова.

Во второй главе дан обстоятельный семантический анализ многозначных мордовских глаголов на основе их сочетаемости с другими частями речи. Автор обоснованно выделил ряд групп глаголов.

Глаголы всех групп подробно анализируются семантически. Так, у мокш. *ётамс*, эрз. *ютамс* диссертант выявил в различных контекстах следующие значения: 1) 'идти (пешком)'; реализуется в словосочетании с зависимым наречием мокш. *ялга*, эрз. *ялго* 'пешком'; 2) 'проходить'; выявляется в словосочетании с зависимым существительным с послелогом мокш. *ёткова*, эрз. *юткова* 'между'; 3) 'переправиться'; выявляется в словосочетании, где зависимое слово — существительное, обозначающее водное пространство, с послелогом мокш. *туркс*, эрз. *трокс* 'через'; 4) 'проводить (проводку, отопление)'; встречается и в эрзянском языке, хотя автор диссертации считает его характерным для мокшанского языка; 5) 'обойти'; реализуется в словосочетании с зависимым существительным с послелогом эрз. *перька*, мокш. *перьф* 'вокруг'; 6) 'перейти в следующий класс'; 7) 'пройти (об изученном материале)'; 8) 'про-

ехать'; 9) 'обехать много мест'; 10) 'отойти'; 11) 'пройти (о времени)'; 12) 'перебраться (на другое место)'; 13) 'миновать'; 14) 'пробиться'; 15) 'обогнать'; 16) 'ползти'; 17) 'кончиться, выйти'; 18) 'проводить какое-то мероприятие'; 19) 'пройти (о машине)'; 20) 'переехать жить (выявляется только в мокшанском языке)'. Каждое значение проиллюстрировано примером.

Всего диссертант проанализировал 45 общемордовских, 96 мокшанских и 121 эрзянский глагол.

В третьей главе диссертации охарактеризованы способы образования многозначности глаголов. Г. И. Батков обоснованно считает, что для мордовских языков характерно образование полисемантизма глаголов при помощи расширения и сужения лексических значений. Кроме того, в процессе образования многозначности большое место занимает метафорический перенос.

Под термином «расширение значения слова» диссертант правильно понимает расширение функции действия слова, расширение его семантического объема. В результате этого процесса у слова возникают новые значения. Часто слово может переходить из одной сферы употребления в другую. Все эти положения проиллюстрированы примерами. Так, глагол мокш. *ёрдамс*, эрз. *ёртомс* при основном значении 1) 'бросить что-то, имевшееся в руках' на основе расширения семантического объема приобретает значение 2) 'покинуть, оставить'; в связи с крупными общественными событиями (революция, война) появились его переносные значения: 3) 'свергнуть (власть)'; 4) 'отразить (нападение)'; 5) 'вставить (слово)'.

В работе встречаются некоторые недостатки.

При анализе словаря М. Е. Евсевьева (стр. 23—25) необходимо было обратить внимание на нечеткую грань между сложным словом и лексикализованным словосочетанием: *ава + маци* 'гусыня', *од + ава* 'мачеха' — не сложные слова, а лексикализованные словосочетания.

Имеются неточности в определении значений слов. Так, мокш. *кельме* выступает не только в значении 'прохладный' (стр. 29), но и 'холод, холодный, холодно'. Мокш. *ётамс*, эрз. *ютамс* не употребляются в значении 'проводить (про-

водку)' (стр. 39), в этом значении употребляются их понудительные формы: мокш. *ѣтафтомс*, эрз. *ютавтомс*. Эрз. *куродомс*, кроме значений 'загнать, напасть', употребляется в значении 'застать врасплох'.

Перечисленные недостатки не снижа-

ют общей ценности работы. Они легко исправимы.

Работа Г. И. Баткова, несомненно, имеет теоретическое и практическое значение. Ее положения будут использованы при составлении толковых словарей мордовских языков.

И. С. БУЗАКОВ (Саранск)

А. Ю. Кюннап, Склонение и спряжение в самодийских языках (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменяемых суффиксов). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту 1974.

Отрадно отметить, что в изучении самодийских языков, считавшемся еще недавно наиболее отсталой областью уралистики, в последние годы намечаются довольно значительные сдвиги. Об этом наглядно свидетельствует ряд публикаций как монографий, так и статей в различных сборниках, а также защищенные и подготавливаемые к защите диссертации.¹

В этой связи особо следует отметить состоявшуюся 15 ноября 1974 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета защиту докторской диссертации А. Кюннапом «Склонение и спряжение в самодийских языках (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменяемых суффиксов)». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Н. М. Терещенко (Ленинград), профессор, доктор филологических наук К. Е. Майтинская (Москва), профессор, доктор филологических наук З. М. Дубровина (Ленинград).

Автор диссертации представляет эстонскую школу самоедологов, основанную по инициативе и под непосредственным руководством академика АН ЭССР, доктора филологических наук профессора П. Аристэ. Этим обстоятельством и

определилось, по-видимому, в известной мере основное направление интересов диссертанта — сравнительно-историческая уралистика.

Начав свои исследовательские штудии с языка наибольшей по численности самодийской народности — ненцев (единственная самодийская народность, имеющая письменность), А. Кюннап сосредоточил в дальнейшем внимание на языке последних представителей самодийцев Саянского нагорья. В ходе дальнейшего изучения он привлекал сведения селькупского языка (наиболее близкого саяно-самодийским языкам), а также северно-самодийских (ненецкого, энецкого, нганасанского). В результате диссертация А. Кюннапа посвящена сравнительно-историческому анализу пяти самодийских языков: четырех живых (ненецкого, энецкого, нганасанского, селькупского) и одного практически в наши дни уже исчезнувшего (обозначаемого обычно термином камасинский). На этой основе сложился научный труд, построенный в отчетливо выраженной системе и по определенному методу.

На избранном пути (как отмечает это и сам диссертант) перед ним стоял ряд объективных трудностей (отсутствие древних письменных памятников, недостаточность опубликованных работ, особенно по нганасанскому и энецкому языкам, и т. п.). Несмотря на это автору диссертации удалось показать, что уже на данном этапе изучения самодийских языков их сравнительно-исторический анализ не только возможен, но и необходим, по-

¹ Подробнее см.: Н. М. Терещенко, Основные проблемы изучения самодийских языков. — ВЯ 1975, № 1, стр. 111—121; см. также рецензии А. Кюннапа: СФУ X 1974, стр. 269—275; СФУ XI 1975, стр. 66—69.